

23 ИЮН 1984

Вечерняя Уфа
г. Уфа

ПАЛИТРА

ЦВЕТОВОЙ ОБРАЗ СПЕКТАКЛЯ

В течение двух недель, пока продолжался в Москве творческий отчет Башкирского академического театра драмы имени М. Гафури, в фойе Театра сатиры действовала выставка работ Галии Имашевой, народного художника РСФСР и БАССР, лауреата Государственной премии имени К. Станиславского. Интерес к творчеству известного советского сценографа был большой. Даже в дневные часы, когда театр отдыхал от спектаклей, сюда приходили посетители, оставляли записи в книге отзывов.

Внимание публики к произведениям Имашевой легко объяснимо: ныне исполняется 50 лет ее служения искусству, и потому выставка — это и история того театра, которому Галия Шакировна отдает свои

силы, и история развития башкирского советского искусства, которое по праву гордится одной из талантливых своих представительниц, и показ духовного мужания, роста творческого мастерства самой художницы.

Здесь были собраны труды разных лет. Обычно спрашивают мастера о самых дорогих для него работах, но Галия Шакировна, словно предвидя такой вопрос, говорит о том, что в каждом произведении — не только часть ее души, но и тот полет фантазии, вдохновения, желания приблизиться к авторскому замыслу, который владел творческим коллективом театра при постановке того или иного спектакля.

«Салават» Мустая Карима — эскиз занавеса: рвущиеся вперед диние стремитель-

ные кони. Галия Имашева удивительно емко умеет в красках и образах выразить главную мысль режиссера. «Мария Тюдор» В. Гюго — мрачная неизбежность гибели, неумолимый тонор, серые петли веревки. «Ромео и Джульетта» В. Шекспира — тяжелый мешок каменного дышать, не дает любить.

Работы Имашевой никогда не спутаешь ни с какими другими: по палитре — это краски ее родного края, фиолетовая синева гор, алые пламя закатов как цветовой образ спектакля; по композиции — это строгая конструкция башкирских пейзажей с юртообразной устремленностью к небу и гор, и деревьям; по смыслу — это характер народа с его бурным темпераментом и спокойной мудростью.

Однако истинно национальное своеобразие почерка Имашевой не заглушает, а, напротив, высвечивает ту мощную мелодию общечеловеческого понимания мира и людей, что присутствует в каждом ее полотне.

После легенды «Наркэс» вдруг изумленно останавливаешься перед русскими ситцами и золотыми маковками церквей — это Островский «Грех да беда на кого не живет». Потом перебрасываешься в типично современный интерьер — постановка пьесы Н. Асанбаева «Счастье человека». В молчании останавливаешься перед скорбным обелиском «Матери ждут сыновей» А. Мирзагитова. Видишь суровость и мощь нефтяного края — «Жизни счастливый миг», тоже А. Мирзагитова. И снова классика: чеховский «Иванов»,

качающийся фонарь, подсвеченные снизу ломкие голые деревья, смутенность чувств, неустроенность жизни.

И все-таки центр экспозиции — работы, связанные с постановкой трагедии Мустая Карима «В ночь лунного затмения» в 1965 году. Круг юрт как злоеший круг судьбы. Тревожные всполохи. Луна в черных тучах. Прошло почти двадцать лет, и Галия Имашева вновь возвращается к этим же образам. Триптих по мотивам трагедии — ее последняя работа. Знакомые персонажи заново переосмыслены — за ними мудрое лицо их создателя, внимательный взгляд Мустая Карима.

— Наш театр растет вместе с замечательным башкирским драматургом, — раз-

мышляет Галия Шакировна.

— Значит, наверняка после долгого перерыва опять вернемся к этой постановке. Вот я и готовлюсь к ее воплощению с точки зрения своих нынешних воззрений и сегодняшнего времени.

Воистину завидная молодость души у художника, который вступает в свое второе творческое пятидесятилетие.

А. ДОКУЧАЕВА,
наш спец. корр.

НА СНИМКЕ: главный художник Башкирского академического театра драмы им. М. Гафури Г. Ш. Имашева; часть триптиха «В ночь лунного затмения».

Фото В. ОСОТОВА.
Уфа — Москва.